

Тюго

1986/V

ПОИСКИ И НАХОДКИ

«Ленинградская правда», 18 мая 1986 г.

Написано рукой Гюго

СРАЗУ на тридцать семь автографов выросло эпистолярное наследие Винтора Гюго благодаря находке ленинградских ученых. Письма классика французской литературы, относящиеся к маю — октябрю 1859 года, обнаружены в архиве Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, которая располагает богатейшим собранием автографов деятелей мировой культуры. Фотокопии бесценных документов отправлены в парижский музей писателя.

— Мы предприняли новый поиск по просьбе французских литературоведов, готовящих полное издание переписки Гюго. Ученые этой страны широко используют наши фонды, где хранятся автографы Бальзака и Александра Дюма, Золя и Мериме, Мопассана и Барбюса. На этот раз находка ждала среди редких книг, собранных в рукописном отделе, — рассказывает научный сотрудник библиотеки Наталья Елагина, которая обнаружила и транскрибировала письма великого французского романтика.

Внимание Наталья Алексеевны привлек двухтомник первого парижского издания поэмы «Легенда веков», отличавшийся от других книг роскошным оформлением. Какова была радость библиографа, когда, от-

крыв кожаный переплет, она увидела знакомую руку. На листе папиросной бумаги перед шмуцтитолом четким размашистым почерком было написано: «Нозлю Парфэ, моему другу, Виктор Гюго. Отвиль-хауз, сентябрь 1859 г.».

Как выяснилось, она держала в руках особый, подарочный том. Он венчал большую кропотливую работу, которая предшествовала выходу в свет поэмы Гюго объемом почти в девять тысяч строк. Неожиданным подарком оказались аккуратно вклеенные между страниц письма поэта-тираноборца. Они сохранились так великолепно, словно написаны нашим современником. А содержание лаконичных деловых посланий живо воссоздает ту атмосферу, в которой напряженно работал

57-летний художник, находившийся в изгнании.

Нозль Парфэ, которому адресованы почти все письма (за исключением двух), формально говоря, был корректором готовившегося издания. Однако в литературных кругах его знали как блестящего стилиста, поэта и драматурга и даже называли «первым камердинером при дворе французской словесности». В помощники Гюго «старина Парфэ» попал по рекомендации Александра Дюма, у которого служил секретарем. Вот почему переписка великого мастера с корректором шла как диалог хорошо понимающих друг друга профессионалов. Получив отписки, автор вносил правку и нередко, прежде чем подписать лист к печати, просил что-то переделать.

Однако не все в их работе шло гладко, случались и споры. Один из них разгорелся по поводу реплики корректора о непоследовательности автора в употреблении заглавных букв. «Дорогой Парфэ,...

я прав... — пишет Гюго. — Не говорят бежать как баск, мощенничать как грек, скаредничать как еврей, пить как поляк, хвастать как гасконец, употребляя при этом заглавные буквы. Большие буквы обязательны лишь тогда, когда речь идет о названии страны — Греция, Польша, Гасконь. Когда же переходишь к народам, то тут нет строгих законов; это вопрос вкуса и суждения; здесь нужна большая буква, там — нет; отсюда то, что кажется вам непоследовательностью».

Свою поэму Гюго посвятил Франции, о чем свидетельствует один из автографов — стихотворное обращение к родине.

— Таковы лишь несколько строк из этой переписки, а теперь коротко — о судьбе самих писем, — продолжает свой рассказ Н. А. Елагина. — Долгие годы они хранились у дочери Парфэ — мадам Бодуэн, оберегавшей их от чрезмерной

настойчивости коллекционеров. И только в начале нынешнего века завоевавший ее доверие журналист Адольф Бриссон получил доступ к автографам.

Впоследствии он писал: «Я возвратил госпоже Бодуэн несравненный экземпляр, который все библиофилы мира вырвали бы у нее из рук, не постояв за цену, если бы она только согласилась от него отказаться. Но я сомневаюсь, чтобы когда-нибудь она захотела расстаться с этой реликвией».

Однако в нынешнем веке двум бесценным томам пришлось порядком попутешествовать. И пока остается загадкой, при каких обстоятельствах после второй мировой войны они попали в один из букинистических магазинов Ленинграда. Здесь их и приобрела Публичная библиотека.

Письма прочитаны, но изучение их только начинается. Теперь дело — за лингвистами, текстологами, историками, биографами.

**О. СЕРДОБОЛЬСКИЙ,
С. ФОНАРЕВ,
корр. ЛЕНТАСС —
специально для
«Ленинградской правды»**